

ВЛАДИМИР
ПОЗНЕР

ИХ ИТАЛИЯ



Владимир Познер. Лучшее

Владимир Познер

**Их Италия. Путешествие-
размышление «по сапогу»**

«Издательство АСТ»

2013

УДК 913(450)
ББК 26.89(4Ита)я2

Познер В. В.

Их Италия. Путешествие-размышление «по сапогу» /
В. В. Познер — «Издательство АСТ», 2013 — (Владимир Познер.
Лучшее)

ISBN 978-5-17-138441-8

Чтобы понять людей, культуру, традиции и кухню одной из самых притягательных стран мира Владимир Познер поговорил с 15 знаменитыми итальянцами, причем всем задал два вопроса: «Представьте себе, что я могу поехать только в одно-единственное место в Италии, – куда мне отправиться?» и «Если бы я смог съесть только одно итальянское блюдо, то каким бы оно было и где его лучше всего готовят?» Эти ответы, на наш взгляд, позволят узнать об Италии больше, чем все путеводители вместе взятые! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 913(450)
ББК 26.89(4Ита)я2

ISBN 978-5-17-138441-8

© Познер В. В., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Объяснение	7
Часть I. Размышления	12
Размышление первое. Моя Италия	12
Размышление второе. Мои итальянцы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

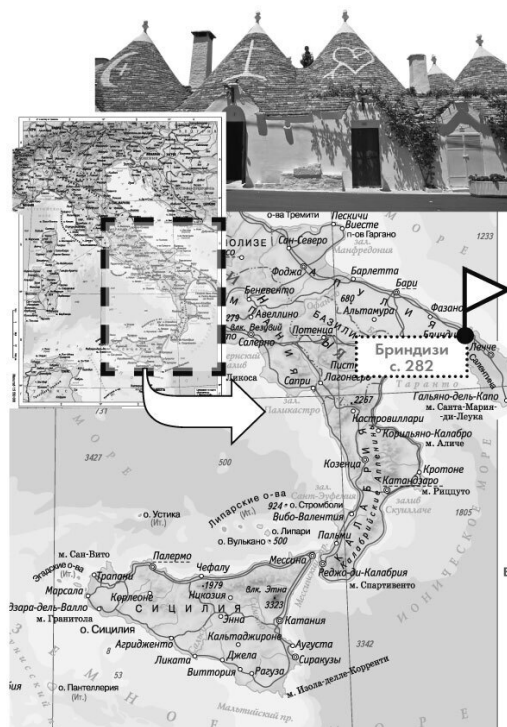
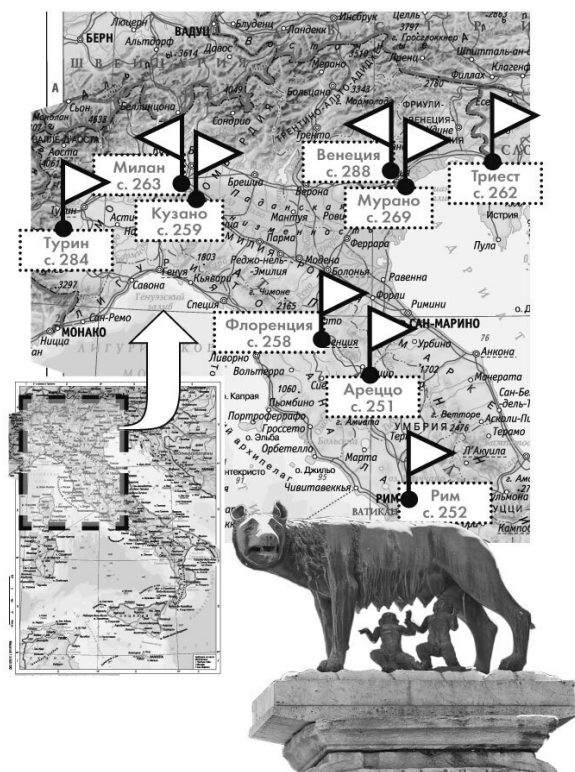


Владимир Познер
Их Италия
Путешествие-размышление по «сапогу»

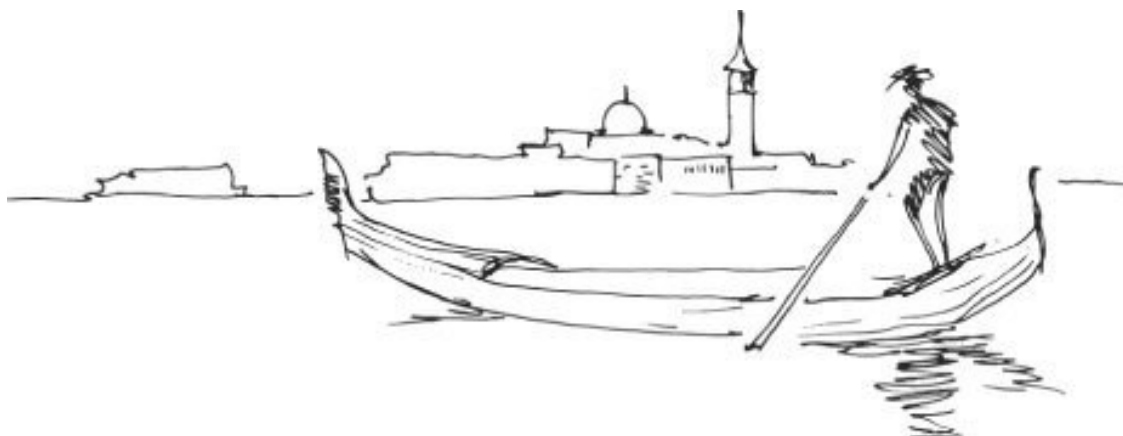
© Познер В.В.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *



Объяснение



«Почему "их" Италия?» – спрашивают. Объясняю.

Документальный телевизионный сериал об Италии возник в какой-то степени случайно, в отличие от «Одноэтажной Америки» и «Тур де Франс». Что касается первого, то я лет двадцать пять мечтал о том, чтобы повторить путешествие Ильи Ильфа и Евгения Петрова, которое они совершили в 1935–1936 годах, но не с блокнотом в руках, а с телевизионной камерой. Я хотел в некоторой степени «открыть Америку» для российского зрителя, сделав честный, непредвзятый фильм о стране, в которой я рос, о стране, которую я люблю, о стране, которую я довольно хорошо знаю. Так что тут все было ясно.

После успеха «Одноэтажной...» (а успех был ошеломляющий) логичным казалось попытаться повторить его. Я родился в Париже, моя мама была француженкой, дома мы говорили только по-французски, и я люблю Францию. Фильм о Франции для меня в этом контексте – самое очевидное. Все-таки моя родина. И снова – успех.

Но это уже стало отдаленно походить на зарождение традиции. Ну как же, сделали фильм об Америке, сделали о Франции, пора приступать к фильму о следующей стране. Например, об Италии. Почему об Италии? Да потому что все любят Италию, и кроме того, 2011 год – официально объявленный год Италии в России и России в Италии, так что есть повод. Все так, но как ныне любят говорить в России, имелась одна «маленькая деталь» (попробуйте сказать «большая деталь» и сразу поймете, что деталь может только быть маленькой и выражение «маленькая деталь» – свидетельство малограмотности того, кто его употребляет), а именно: в отличие от Америки и Франции, родных для меня стран, Италия мне совершенно не родная. Америку и Францию я знаю изнутри, я там рос. Я совершенно точно представлял, что хочу рассказать об Америке и о Франции, что хочу снимать и почему. С Италией же ситуация иная. Я бывал там много раз, но, скорее, как турист, визитер. У меня нет никакого специального, устоявшегося отношения к этой стране. И – быть может, главное – я не говорю по-итальянски.

Так что, с одной стороны, я не желал снимать кино об Италии. Но с другой – соблазн был велик...

И соблазн взял верх над доводами разума.

Первым делом я засел за изучение итальянского языка. Я прекрасно понимал, что за несколько месяцев не сумею выучить его так, чтобы вести интервью на итальянском. Но я хотел добиться хотя бы того, чтобы понимать итальянскую речь процентов на восемьдесят (без ложной скромности сообщая, что мне это удалось).

Дальше надо было решить: *про что кино?* Что мы будем снимать и почему будем снимать именно то, а не это? Эти вопросы оставались без вразумительных ответов, пока нас с Ваней

Ургантом не осенила мысль: следует создать список из десяти-пятнадцати известных итальянцев и с ними договориться об интервью. Прежде чем начать съемки в стране, снимем интервью с этими людьми, в которых каждому зададим среди прочих два одинаковых вопроса. Первый: *представьте себе, что перед вами стоит человек, который никогда в Италии не был, но может увидеть лишь одно-единственное место в вашей стране. Куда вы направили бы его?* И второй: *представьте себе, что я могу съесть только одно-единственное итальянское блюдо. Скажите мне, что это за блюдо и где его лучше всего готовят?* В итоге мы получим перечень итальянских мест, которые надо обязательно увидеть, а также список блюд. Таким образом наш маршрут будет определен не нами, а ими, итальянцами. Отсюда выросло и название фильма – «Их Италия».

Если вы, посмотрев фильм или прочитав эту книжку, спросите, почему нет ничего о Помпеях, о Капри, о таких потрясающих городах, как Лукка, Пиза, Генуя, Римини, Феррара, ну и так далее, ответ один: потому что их не называли наши собеседники. А люди это были не банальные. В их числе, например:

Франко Дзеффирелли
Тонино Гуэрра
Князь Строцци и его княжна и княгини
Пьеро Антинори
Феруччо Феррагамо
Марко Мюллер
Маргарета Хак
Андреа Бочелли
Аль Бано
Дольче и Габбана
Этро и его семья
Моника Белуччи
Кардинал Равази.
И это далеко не полный список.

Были люди, интервью с которыми мы добивались, но тщетно. К таким относятся: Сильвио Берлускони – тогда он был еще премьер-министром, погруженным в скандалы по самое не хочу; выдающаяся оперная певица Мирелла Френи, которая назначила нам день и час и... исчезла; Микеле Плачидо, известный в России как комиссар Каттани (он был занят на съемках); легендарный вратарь сборной Италии Джи Джи Буффон; знаменитый писатель Умберто Эко, Адриано Челентано... Хочу сказать безо всяких обиняков, что мы рассчитывали на гораздо большую и эффективную помощь итальянского посольства в Москве. Эта помощь была обещана, в какой-то мере оказана, но мера эта оказалась недостаточной – и это я выражаю политкорректно. Вообще, обязательность итальянцев – отдельная тема, которой я еще коснусь.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПИСАННОМУ РАНЕЕ

В двух предыдущих книжках, связанных с «Одноэтажной...» и «Тур де Франс», я написал о нашей съемочной группе. На этот раз упомяну еще и «новеньких», но начну со «стареньких»:

- **Надежда СОЛОВЬЕВА.** Генеральный продюсер. У нее по-прежнему все под контролем, она всех держит в страхе, всегда ищет как сделать, а не как не сделать, всегда готова сочетать полезное с приятным.
- **Валерий СПИРИН.** Режиссер, по-прежнему похожий на сонного полярного медведя, которого лучше не будить.

- Артем ШЕЙНИН. Креативный продюсер. По-прежнему по-сержантски всех строит и исправно, до изнеможения отжимается по утрам и вечерам.
- Аня КОЛЕСНИКОВА. Исполнительный продюсер. По-прежнему четкая, ответственная, обворожительная, умеет говорить на вдохе, малоодетая, улыбчивая.
- Влад ЧЕРНЯЕВ. Главный оператор. По-прежнему занудливо и бескомпромиссно требует, чтобы картинка была именно такой и не иной.
- Женя ПЕРЕЯСЛАВЦЕВ. Оператор, по-прежнему внезапно исчезающий, чтобы «достать» абсолютно нереальные кадры.
- Стас ТОЛСТИКОВ. Звукооператор, по-прежнему дотошно делающий свою работу, при этом получающий удовольствие от всего нового.
- Володя КОНОНЫХИН. По-прежнему невозможно определить род его профессии – швец, жнец и на дуде игрец, мастер на все руки, наш талисман.



Но были, как я уже сказал, и новенькие:

- Лена ЧЕБАКОВА. Прежде чем познакомить вас с ней, я должен сделать небольшое отступление.

Во всех наших поездках нас сопровождал человек, которого я называл «местным голосом». Например, в поездке по США это был мой давний друг Брайан Кан. Во Франции это был Робен Димэ. Общего между этими двумя господами было только то, что оба были местными: Брайан – стопроцентный американец, Робен – стопроцентный француз. Каждый должен был «прозвучать» в качестве местного голоса, который комментирует наши с Иваном высказывания, поправляет нас, спорит с нами.

Брайан справился с поставленной задачей блестяще. Робен же не то что не справился, а полностью провалил задание. Об этом я достаточно подробно написал в книжке «Тур де Франс», так что не буду повторяться. Но после неудачи с французским «голосом» наш генеральный продюсер засомневался в необходимости «голоса» итальянского (замечу в скобках, что генеральный продюсер – это тот человек, который финансирует проект, он вынужден считать каждую копейку и относится резко отрицательно к непродуктивным тратам). Словом, возник спор. Я считал наличие подлинно местного человека важным, настаивал на этом. Наконец договорились, что попробуем, но в случае, если выбранный нами человек окажется неподходящим, увольняем его и больше не берем никого. Поэтому я отнесся настороженно к сообщению Ани Колесниковой о том, что нашим «итальянским голосом» будет некая Елена Чебакова, русская женщина, вышедшая когда-то замуж за сицилианца. Ну вот, подумал я, мало того, что она не настоящая итальянка, так она еще связана с мафией.

Дорогая Лена! Пожалуйста, извините меня за эти мерзкие подозрения. Вы не просто оправдали мои ожидания. Вы были доброй феей, всегда положительной, всегда там, где надо было быть, вы были помощницей, вы рекомендовали нам людей и места. Словом, благодаря вам наш фильм стал лучше.

Что до вас, уважаемые читатели, то будет полезно знать, что Лена совершенно прелестная блондинка, изящная, невысокого роста, с очень русским лицом, которое стало еще нежнее благодаря итальянской прививке. Нет ничего удивительного в том, что в неё влюбился и женился на ней сицилианец Марио Белла.

- Марио БЕЛЛА. Как, на ваш взгляд, выглядит типичный сицилианец? Представления не имеете? Ладно, тогда скажу о том, каким рисовался мне этот персонаж: кряжистый, невысокого

роста, глядящий на вас черыми, словно два дула пистолета, зрачками, не улыбочивый, готовый в любой момент выхватить из-за пазухи обрез. Похоже? Нет, дорогие мои, не похоже.

Марио Белла, как вам уже известно, муж Лены Чебаковой, но я не стал бы писать о нем, если бы он не оказался и одним из наших водителей. Марио специально взял отпуск, чтобы поработать с нами (и заодно проследить за тем, чтобы никто к его Елене не приставал). Марио статен, красив, мужественен, улыбочив, приветлив, смугл, белозуб, по ходу дела учил меня итальянскому языку, никогда не говорил «нет». Он и Лена пригласили нас на семейный ужин, когда мы были на Сицилии, и это отдельная и прекрасная страница нашего путешествия.

Еще хочу сказать, что благодаря Марио мы чувствовали себя абсолютно защищенными. Почему – спрашиваете вы? Да потому, что Марио – карабинер. Мне кажется, что из-за этого некоторые из нас, будучи за рулем, допускали определенную наглость, рассчитывая на то, что если нас остановит «polizia stradale» (это вовсе не «страдающая» полиция, как предполагают некоторые российские туристы, а «дорожная»), то Марио всегда договорится с ними. Что, собственно, и произошло раза два.

Единственное, в чем он не преуспел, было в организации вертолетных съемок того, как карабинеры пытаются бороться с нелегальной иммиграцией, приплывающей из Северной Африки. Военное начальство сказала «да», потом «да, но», потом «может быть, но потом», и в конце концов «нет». Марио был сильно раздосадован. Мы же все вспоминаем его с любовью.



Такова наша команда, в которой, по сути, остаются все те же люди. Я рад, что работаю с ними, благодарен им за то, что они делают, за поддержку и преданность, за умение трудиться много часов подряд, порой не в самых благоприятных условиях, притом без всяких жалоб. И еще я благодарен им за то, что они стойчески терпят меня, человека разных настроений.

Всем им спасибо!





Вот на этом вертолете мы полетели на свидание с Везувием

Часть I. Размышления



Размышление первое. Моя Италия

Да-да, у меня есть моя Италия. Ее образ сложился до этой поездки и сопровождал меня, напоминая о себе, окрашивая мои новые впечатления тем особым цветом, который не имеет названия и связан с памятью. Есть в английском языке такое слово – «*flashback*». В англо-русских словарях оно переводится как «ретроспективный кадр (кино)». Перевод по смыслу точный, но страшно неуклюжий и ограниченный. На самом деле (помимо кино) «*flashback*» – это то, что происходит с нами, когда внезапно в памяти возникает воспоминание о давно прошедшем – чаще всего в виде картинки. Стоит мне заговорить или подумать об Италии, как мгновенно вспыхивают эти картинки из прошлого...



Помпеи. Это уму непостижимо! Город был основан в VI веке до нашей эры. Он рос, развивался, расширялся до 24 августа 79 года – того дня, когда его накрыло и похоронило извержение вулкана Везувий. Это было тысяча девятьсот тридцать три года тому назад. Несчастье для жителей Помпей обернулось счастьем для нас: город сохранился точно таким, каким его настигло извержение, в чем мы можем убедиться благодаря раскопкам.

То, что я там увидел, поразило меня и стоит перед моим мысленным взором, будто я был там вчера. Тогда, почти две тысячи лет тому назад, люди жили так, как мы живем сегодня, за исключением одного – не было электричества. А все остальное имелось: ходишь по мощеным улицам – слева и справа стоят отчасти сохранившиеся двух- и трехэтажные дома, видишь гостиные, столовые, спальни, атриумы, попадаются по пути бывшие магазинчики, закусочные; туристы валом валят смотреть на почти полностью сохранившийся публичный дом, стены которого украшены росписью соответствующей тематики. Высятся просторные общественные здания, стройные колоннады бывших площадей, трубы канализации...



Вид на Помпеи. Фридрих Федерер. Литография. 1850 г.

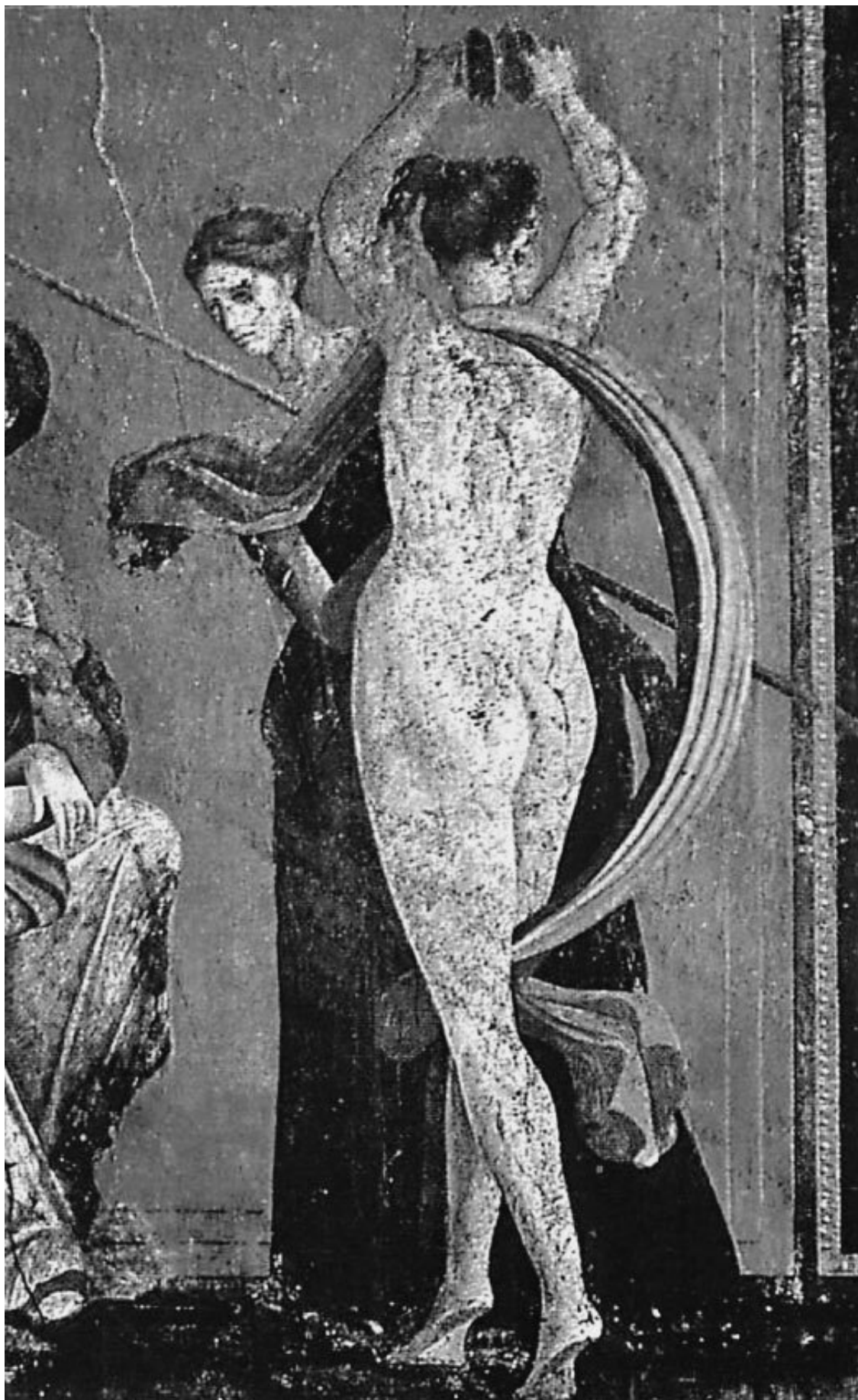
Бродишь среди этих руин и задаешься вопросом: а куда это потом подевалось? Почему на смену этому пришли варвары, темное Средневековье с его нечистотами, вонью, религиозной слепотой, время, когда люди мылись два раза в жизни – при рождении и при погребении, когда от дам и господ не просто разило – в складках их одежды водились вши, блохи и прочие «прелести». Почему так случилось? Как объяснить, что политеистическая культура древних греков и римлян была светлее, веселее, здоровее и цивилизованнее, чем сменившая ее монотеистическая культура христианства? Почему утро зарождения европеизма в подлинном смысле этого понятия оказалось настолько ярче – во всех отношениях – его раннего дня? Почему?



Фреска из виллы Мистерий. Помпеи. I в. до н. э.



Дедал и Пасифая. Фреска из виллы Веттиев. Помпеи. I в. до н. э.



Танцовщица. Фреска из виллы Мистерий. Помпеи. I в. до н. э.

Рим. Форум, Август. Жара африканская. Может быть, этим объясняется отсутствие людей. Одни – местные – в отпуске, другие – туристы – испугались жары. Так или иначе, но Форум почти пуст. Царит тишина: древний Форум расположен ниже уровня современного города, городской же шум не опускается, а поднимается. Слышно только цикад. Они исполняют свою металлическую мелодию хором, не останавливаясь ни на минуту, пока в один августовский день все разом не замолчат, подчиняясь неизвестному нам взмаху дирижерской палочки великого маэстро – Природы.

Я здесь впервые. Еще в детстве я страшно увлекался историей Древнего Рима. Рем и Ромул, Сулла, Цезарь, Август, Антоний, Тиберий, Клавдий, Траян и целый сонм других – для меня живые люди, я вижу их и слышу во всем их величии и блеске. И вот я здесь, я хожу по той земле, по которой ступали они, и от этого у меня перехватывает дыхание. Даже ограбленные и опустошенные триумфальные арки стоят непоколебимо и гордо, говоря всем и каждому: «Смотрите, склоните головы, дивитесь».



Форум. Вид из Фарнезских садов. Камиль Коро. 1826 г.



Легендарная волчица, вскормившая легендарных же Ромула и Рема

И вдруг, словно молния, меня поражает мысль: «Вот откуда я! Здесь мои корни! Здесь! Я – европеец! И бесконечно благодарен судьбе за это».





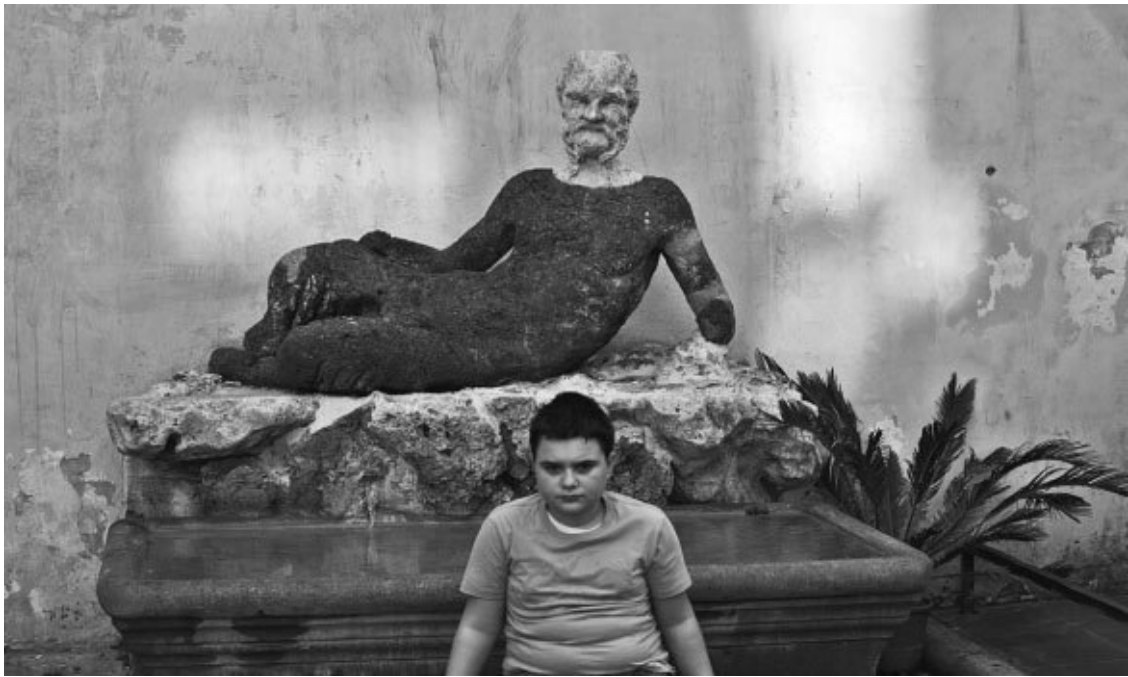
Форум. Вид из Фарнезских садов



Камиль Коро. 1826 г.

Рим. Бомж. Он не сидит, а возлежит. Как мадам Рекамье. И как мне показалось, то ли горделиво, то ли презрительно смотрит на проходящих: мол, идите, идите, еще не таких видел на своем веку. И то правда. Этому бомжу порядка двух тысяч лет. Этот памятник бездомному показала мне Галя Букалова, нежно мною любимая жена моего друга Алексея Букалова, заведующего вот уже двадцать с гаком лет бюро ИТАР-ТАСС в Риме. Этот бомж почему-то произвел на меня неизгладимое впечатление. Если вам захочется познакомиться с ним, пройдите на Via Babuino, и там, рядом с храмом, вы увидите его, полулежащего, просящего милостыню. Только нет в его облике ничего просящего. Скорее, есть что-то надменно-превосходное.





Древнеримский бомж возлежит как мадам Рекамье. Юный же римлянин явно им впечатлен

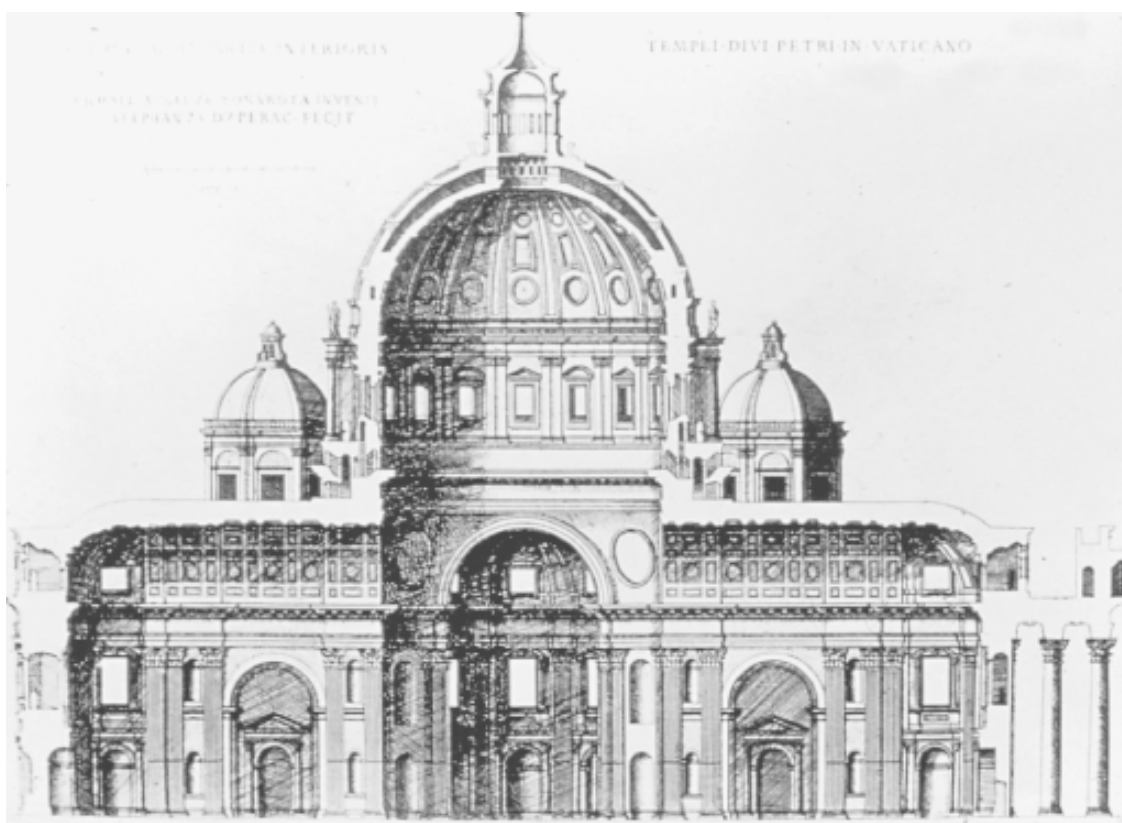


Собор Святого Петра. Вивиано Кодаци. 1630 г.

Рим. Ватикан. Собор Святого Петра.

Вот уж не мое. Громадный, совершенно некрасивый, внушающий тебе, что ты никто и звать тебя никак. Я-то зашел в собор лишь с одной целью – посмотреть на «Пьету» Мике-

ланджело. Посмотрел. Что и говорить, поразительная вещь. Она должна вызвать сочувствие, сострадание, желание исповедаться... Но у меня не вызвала, уж слишком сильно отвлекает сам собор, который во всем противоречит апостолу Петру. Я, как известно многим, атеист, так что дела церковные меня не занимают. Но здесь – другое. Ведь Петр был простым человеком, он же предал своего учителя и потом горько каялся. Он стал первым епископом Рима, что и соответствует папскому титулу, но оставался скромным, строгим (прежде всего к себе). Что собор его имени имеет общего с ним? Да ничего. Этот собор – нечто иное, как воплощение стремления Церкви – в данном случае католической – доказать человеку, что он ничтожество.



План собора Святого Петра

Рим. Моисей. Совсем недалеко от Нового Арбата есть памятник моему любимому Гоголю. Нет, это не тот, официальный и бездарный, что стоит у начала Гоголевского бульвара. Николай Васильевич спрятался от прохожих в тихом московском дворике. Сообщаю вам точный адрес, хотя мне кажется, что Гоголь, человек крайне закрытый, был бы против: Никитский бульвар, дом 7. Он сидит в глубокой задумчивости и печали. У его ног ведут хоровод герои его гениальных произведений, но ему не до них. Ему вообще не до кого. Но достаточно подойти к нему, как ты сразу заметишь, что Гоголь за тобой следит. Начинаешь обходить его по кругу, а он будто поворачивается за тобой, смотрит и смотрит на тебя...

При чем тут Рим, спросите вы? Нет, дело не в том, что Николай Васильевич долго жил в Риме, обожал его. Просто именно в Риме я набрел на такой же памятник. Такой же – в том смысле, что его герой тоже следит за тобой, поворачивает, как кажется, голову вслед тебе.

Это памятник Моисею работы все того же Микеланджело. Меня он ошеломил. Признаться, я никогда особенно не думал о том, как выглядел Моисей, но если бы спросили меня, я, скорее всего, сказал бы, что он был невысокого роста, худощав, аскетичен. А тут...



Виттория Колонна и Микеланджело у «Моисея». XIX в.

Перед вами сидит гладиатор, атлет, от которого веет силой и чувственностью. Он огромен, его мускулатуре мог бы позавидовать любой культурист. Горделивая голова, мощный взгляд... В правой руке он держит Заповеди, полученные от Творца, но держит их почему-то кверху ногами. От него исходит громадная сила, я это почувствовал и даже чуть оробел. У Моисея на голове рожки, что, конечно же, вызывает недоумение. Объяснение до смешного простое: в Ветхом Завете сказано, что иудеям, которых он вел по пустыне, было трудно смотреть ему в лицо, потому что... и тут при переводе с иврита на Вульгату (латинский перевод Библии, сделанный святым Иеронимом в IV веке и утвержденный Тридентским собором) произошла досадная ошибка: одно и то же слово на иврите может означать «рога» и «свет». Но переводчику было не до размышлений, и у него получилось, будто Моисей имел рога. На самом же деле речь идет о том, что от его лица исходил яркий, слепящий свет, отчего иудеи и не могли глядеть на него.



Капри. Вилла Сан-Микеле. Мы жили в Нью-Йорке. Мне было лет тринадцать, когда мама дала мне книжку и сказала (она всегда говорила со мной только по-французски): «Vova, ça va te plaire»¹. На обложке было написано по-английски: «Axel Munthe. The Story of San Michele»**.

Я начал читать и так и не встал с кресла, пока не закончил эту удивительную книгу шведского доктора, мечтавшего о солнце и о свете, доктора, спасавшего жизни в пораженном холерой Неаполе, доктора, которому приснилось, что он будет жить в светлой вилле высоко-высоко над морем, там, где жил некогда грозный Тиберий, и что он собственными руками построит себе эту виллу... И он ее построил. Закрывая книжку, я точно знал, что когда-нибудь тоже там окажусь и увижу эту виллу, что вокруг меня будут бродить тени тех людей, которых описал Мунте, и тень его любимой собаки, да и десятков других животных, прирученных великим гуманистом... И это случилось.

Нынче Капри – магнит для туристов. Забито все и вся. Но к счастью, не все знают о вилле Сан-Микеле, а даже услышав о ней, не особенно интересуются каким-то Акселем Мунте (это же не магазин «Эрмес», «Бриони» и прочее, и прочее – о подобных местах один мой знакомый однажды сказал: «Моя жена продвигается там со скоростью пять тысяч евро в час»), так что туристов в этом райском уголке немного.

Там тихо, там покой, там поют десятки видов птиц. Их предков Мунте спас когда-то от охотничьих сетей и ружей, купив склон горы, на который птицы эти прилетали и прилетают по сей день весной. Там древний египетский сфинкс смотрит вдаль, и ты, стоя рядом с ним, чувствуешь дыхание пирамид. Там солнце, отнявшее в конце концов у Мунте зрение, льет свой прекрасный и беспощадный свет на это творение рук человека, мечтавшего и мечту свою воплотившего.

Это одно из моих самых любимых мест на свете.



Сицилия. Ното. Сюда после полета над Ионическим морем прилетел Дедал. Сюда, завершив свой седьмой подвиг (укротив критского быка), завернул Геракл. Правда, тогда этот город носил иное название, да и его давно уже нет – в 1693 году он был полностью разрушен могучим землетрясением. Ното возник в XVIII веке, почти разом, напоминая в этом смысле

¹ «Вова, тебе это понравится» (*фр*).

Санкт-Петербург, но только в этом смысле. Весь город выстроен в одном стиле, название которому «сицилийское барокко», и это что-то совершенно невероятное. Ното называют «Каменным садом», но никакие названия, никакие эпитеты не могут передать его своеобразную, неповторимую красоту. Я помню, как после нескольких часов хождения по Ното у меня жутко заболела шея – от того, что я все время передвигался задрав голову, рассматривая балконы, башни и башенки, звонницы церквей, каменную лепнину, похожую на застывшие взбитые сливки.

Дух захватывает.



Флоренция. Звонница. Купол. Баптистерий. Вряд ли я могу добавить что-то к тому, что уже написано другими о Флоренции. Но искус велик, так что попробую.

На Соборную площадь надо приходить или рано утром, когда только-только встает солнце, или поздно вечером, даже ночью. И в том, и в другом случае не будет никого. Вы окажетесь один на один с величайшими творениями человеческого гения. Только предупреждаю – подготовьтесь: впервые увидев то, что предстоит увидеть вам, Стендаль потерял – в буквальном смысле! – дар речи. Он молчал три дня, то и дело у него кружилась голова. Теперь это называется «болезнью Стендаля», потому что ей подвергаются многие. Она может и вас захватить, так что, повторяю, будьте осторожны.

Я вышел на Соборную площадь и остолбенел. Передо мной в небо устремилась звонница Джотто. Громадная и легкая, мощная и изящная, сотканная (именно так, а не сложенная или построенная) из зеленого, белого, розового и черного мрамора, она поразила меня в самое сердце. Она уходила вверх, но в то же время не уходила, что-то такое происходило с моим зрением или восприятием, это был странный фокус, обман зрения, но обман неслыханной красоты. Потом только я понял: никакой не обман, просто Джотто, гениальнейший Джотто придумал то, что ни до, ни после него ни один архитектор не смог придумать: чем выше окно звонницы находится, тем большего оно размера. Вспомните: когда вы смотрите на высокое строение, вам кажется, что окна наверху меньше. Это именно кажется – всем нам понятно, что на самом деле они одинаковые, их «уменьшение» – оптический обман. И глаз, привыкший к тому, что высокое окно «меньше» того, что расположено ниже, никак не может «смириться» с тем, что видит, – в этом и заключается гениальность приема Джотто. Я стоял с открытым от удивления ртом, напряженно смотрел вверх, пока и в самом деле не закружилась голова... Я часто задумываюсь над тем, что Джотто умер, так и не увидев завершения строительства спроектированной им звонницы, но умер он – и в этом я уверен – совершенно спокойно, осознавая, что сотворил чудо, и чудо это, как памятник великому художнику, будет стоять вечно.



Палаццо Веккьо

Домский собор, рядом с которым высится звонница, прекрасен. Но уникален он своим куполом, о котором я не стану здесь писать, поскольку именно на купол Домского собора послал нас один из наших героев, Франко Дзеффирелли. Скажу лишь одно: никто, ни один архитектор по сей день не понимает, каким образом Брунеллески сумел воздвигнуть этот

купол, который согласно законам физики не может и не должен держаться. Но поди ж ты, держится, да еще как.

Самый старожил на Piazza del Duomo – это Battistera di San Giovanni, или баптистерий Святого Иоанна. Он строился с 1059 по 1129 год. Вплоть до относительно недавнего времени в нем крестили всех жителей Флоренции. Крестили там и маленького Данте, и весь род Медичи. Когда будете подходить к этому поразительному восьмиграннику с его тремя бронзовыми воротами, сделайте так, как сделал я: начните с южных ворот и... не торопитесь. Это творение Андреа Пизано стоит вашего внимания, ведь здесь представлены двадцать восемь панелей с барельефами, изображающими жизнь Ионна Крестителя. Вас поразят мельчайшие детали, вы подумаете: это предел того, чего может достичь человеческий гений. Но перейдите к северным воротам – там тоже двадцать восемь панелей, они изображают сцены из Нового Завета и принадлежат руке еще более мощного скульптора, Лоренцо Гиберти. Только после этого подойдите к восточным воротам работы все того же Гиберти. Там всего десять панелей с изображениями библейских историй, но ничего подобного я не видел ни до, ни после. И дело не в позолоченной бронзе, а в неслыханной красоте всех фигур, каждой детали. От этого вполне можно потерять дар речи.



Барельефы баптистерия работы Лоренцо Гиберти. XV в.

Глядя на все эти творения, я вспомнил слова маркиза Алексиса де Токвиля. Маркиз никак не мог понять, чем демократическая система правления превосходит родной ему феодальный строй, и в поисках ответа он отправился в Соединенные Штаты Америки – изучать первую демократию новой истории. Это было в 1831 году. Пробыл он там несколько месяцев и в результате написал книгу, которая, на мой взгляд, остается лучшим исследованием США. Называется она «О демократии в Америке». В ней де Токвиль приходит к выводу, что демократическая система и в самом деле сильнее, а сила ее заключается в том, что она берет привилегии, которые прежде были только у аристократии, и раздает их всем. Но раздает понемногу. Де Токвиль, оглядываясь на навсегда ушедшее прошлое, говорит, что у его предков не было необходимости работать, они могли заниматься самосовершенствованием – учить языки, учиться музыке, живописи, читать философию, заниматься спортом; эти люди обладали большим количеством времени и делали то, что хотели делать. Потому, заключает маркиз, они и создали то, что никогда не создадут в демократическом обществе, не предоставляющем своим членам ни времени, ни средств для этого. Думаю, он прав: невероятная тщательность работы, ее глубина, отражающая особое состояние души... Наверное, ощущение невозможности повторения чего-либо подобного сегодня отчасти и является причиной столь сильного эмоционального воздействия.



Флоренция. Каменные рабы Микеланджело. Их четверо. Они как бы вырываются из мраморных глыб или рождаются – не знаю, какое слово точнее. Это неоконченные работы Микеланджело. Для меня – абсолютная вершина его творчества, произведения такой силы, такого напряжения, что я, когда смотрел на них, задышался. На самом деле этих рабов должно было быть шесть, и им предстояло украсить надгробие Папы Юлия II. Но к моменту, когда Микеланджело завершил работу над двумя статуями, Папа от проекта отказался. В результате множества хитросплетений эти два раба оказались в Лувре, в Париже. А еще четыре остались во Флоренции и вот уже более пятисот лет все пытаются вырваться из своего мраморного плена.



Лукка. Много лет тому назад, чуть ли не в другой жизни, я был в командировке в Вильнюсе, столице Литовской ССР. Я тогда работал в журнале «Soviet Life», который издавался советским правительством в обмен на журнал «Америка». Оба эти издания были сугубо пропагандистскими и имели своей целью убедить читателей в превосходстве одной страны, одной системы над другой. Должен сказать, что советский журнал ни в чем не уступал американскому – ни по качеству статей, ни по фотографиям, ни по уровню печати (а печатался он в Финляндии). Так вот, я отправился в Вильнюс писать очерк о Лаздинае, пригороде столицы, отличавшемся совершенно новым подходом к градостроительству – большие многоэтажные дома встраивались в природу, не нарушая ничего: деревья, ландшафт не только не страдали, но даже выигрывали, и жители этого района оказывались в каком-то волшебном городе-саде (по Маяковскому). Витаутас Чеканаускас был одним из архитекторов Лаздинае (за что получил Ленинскую премию), он водил меня по этому новому жилому массиву, пропагандистская ценность которого была очевидна. Но Чеканаускас занимался и реставрацией старого города в Вильнюсе, и признаться, старый город с его узенькими улочками и домами XV века меня

привлекал куда больше нового. В какой-то момент я задал Чеканаускасу явно провокационный вопрос:

– Вы мне рассказали о том, что реставрация старого города – дело не только сложное, но и дорогое: невозможно использовать новую технику, потому что машины не могут заехать в эти узкие улицы, и приходится применять только ручной труд. В качестве примера вы привели такой факт: старинные кирпичи, которые необходимо сохранить, надо сначала вынуть из старой кладки, и такая работа стоит три рубля за каждый... – (Тогда заработная плата в сто пятьдесят рублей в месяц считалась вполне приличной.) – А не проще ли было бы снести все эти старые дома и построить на их месте новые?

Чеканаускас посмотрел на меня с явным недоумением (чтобы не сказать – презрением) и сказал:

– Вы случайно не видели фильм Кубрика «Заводной апельсин»?

– Да, видел, – ответил я.

– Так вот, вы могли увидеть, что происходит с человеком, который растет в совершенно безликих, одинаковых, уродливых домах. А родившийся и выросший в красоте – это другой человек. Разрушать такую красоту – преступление.

Конечно же, он был прав. И я вспомнил его слова, когда впервые попал в Лукку – город-сказку, в котором сохранилось все: и старинные крепостные стены, и мощеные улицы, и здания. Все так, как было сотни лет тому назад, за исключением того, что в этих старинных домах есть теперь и электричество, и канализация, и водопровод. Красота сохранена, каждый дом со своим индивидуальным фасадом и характером, но и жить в нем человеку удобно.

Это совершеннейшая красота. И для меня очевидно, что человек, который родился среди этой красоты, человек, который вырос, окруженный ею, отличается от других тем, что в нем возникает совершенно особое чувство, понимание красоты; а если это происходит не с одним человеком, а с целым народом, если это длится веками, то народ уже на генетическом уровне обладает этим совершенно особым чувством прекрасного.

Вы никогда не задумывались, почему лучшие в мире дизайнеры – итальянцы? Не имеет значения, идет ли речь об автомобилях, об одежде, о мебели... Поезжайте в Лукку. Там вы найдете ответ на этот вопрос.

Вот так получается, что моя Италия – это серия *flashbacks*, картинок и ощущений давно увиденного и пережитого, которые, словно кусочки пазла, складываются в картину. Именно они возникают перед мысленным взором, когда я слышу слово «Италия».



Размышление второе. Мои итальянцы

Раз есть «моя Италия», логично предположить, что имеются и «мои итальянцы». И они, конечно, существуют, причем в разных смыслах. Прежде всего у меня есть итальянские друзья и приятели, однако знакомство с ними не позволяет мне составить некое обобщенное представление и сказать: итальянцы – это...

Нет ни одного народа, удостоившегося такого количества эпитетов, как итальянцы. Вот лишь некоторые из них: они шумные, нервные, пройдошистые, ленивые, безалаберные, веселые, жизнерадостные, страстные, вороватые, необязательные, не пунктуальные, модные, трусоватые, сластолюбивые. Итальянки хороши собою, они модницы, гламурные, крикливые, темпераментные. Всё это отчасти предрассудки, отчасти и правда, но на самом деле не добавляет ничего к подлинному пониманию того, кто такие итальянцы и почему они именно такие.

Вообще, нет ничего более трудного, да и бесполезного, чем попытки определить черты как внешние, так и внутренние, характерные для той или иной нации. Можно ли, например, сказать, что одна из черт русского человека – гостеприимство? Можно. А можно ли сказать, что гостеприимство – одна из черт грузина? Конечно. А значит ли это, что русские и грузины похожи?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.